

АННА МАЛЫШЕВА

Привидения
являются в полдень

Издательство «Астрель»

Анна Малышева

Привидения являются в полдень

«Издательство АСТ»

Мальшева А. В.

Привидения являются в полдень / А. В. Мальшева —
«Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-051504-2

Екатерина, служащая турбюро, поставила крест на семейной жизни и думает о переменах. Муж стал к ней равнодушен, ее старый друг, напротив, оказывает ей повышенное внимание. И все решилось бы просто, если бы одна за другой не начали погибать ее школьные подруги. Екатерина чувствует, что последней будет она сама... Но!.. По какому принципу убийца выбирает жертвы?..

ISBN 978-5-17-051504-2

© Мальшева А. В.
© Издательство АСТ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Малышева

Привидения являются в полдень

Глава 1

Начинался дождь – один из первых майских дождей. В разрывах туч все еще сверкало солнце, его косые лучи освещали одну сторону длинного проспекта, но другая была уже в густой тени. На освещенной стороне редко мелькали фигуры прохожих, они вскидывали руки, к ним подъезжали машины – все торопилось укрыться от внезапной грозы, скорее попасть домой. На теневой стороне не было никого – или просто так казалось. Впрочем, один человек здесь все же был. Он тоже куда-то торопился, широко шагал, придерживая рукой развевающиеся полы плаща, нервно оглядывался по сторонам, как будто что-то искал. Солнце скрылось, дождь припустил сильнее, прохожие исчезли. Мужчина втянул голову в плечи, прикрыл ладонью затылок, но это мало помогло, он промок насквозь. Еще несколько шагов – и он буквально впрыгнул в телефонную будку, захлопнув за собой дверь с выбитыми стеклами, удостоверился, что автомат исправен, и торопливо набрал номер. Ожидая, пока ему ответят, он озирался по сторонам, высматривая прохожих. Но дождь уже стоял сплошной белой стеной, и даже если бы кто-то и прошел мимо, то вряд ли бы заметил человека в будке. Наконец ему ответили. Он говорил что-то, сбиваясь, явно путаясь в словах, звук его голоса совершенно заглушался шумом дождя. Порыв ветра распахнул дверцу и с грохотом захлопнул ее снова. Мужчина вздрогнул, оглянулся и заговорил громче.

– Нам непременно надо встретиться... – Это он повторил несколько раз, выбирая самые убедительные интонации. – Непременно. Как можно скорее. Да. Да. Лучше сегодня.

По его загорелой шее пробежала капля влаги и скрылась за измятым воротником рубашки. Капля дождя или пота? Другая капля сорвалась с кончика черной прядки волос, прилипшей к виску. Он вытер лоб тыльной стороной ладони, сказал: «Хорошо» – и повесил трубку. Хлопнул дверцей, запахнулся в плащ и вскоре исчез в белой пелене дождя. Теперь на проспекте на самом деле не было никого.

Женщина положила трубку и взглянула на себя в зеркало. Что-то ее там заинтересовало, и она включила настенный светильник, нагнулась поближе к стеклу. Долго разглядывала себя, проводила кончиками пальцев по корням жестких обесцвеченных волос, шурила накрашенные ресницы, поджимала губы. Потом раздраженно отстранилась от зеркала и сказала самой себе: «Скоро тридцать». Пожала плечами, усмехнулась, прошла в комнату. Было девять часов вечера, но на улице шел дождь, и в комнате было совсем темно. Женщина постояла у окна, заглянула за шкаф, поставленный так, что он отгораживал кроватку ее сына. Ребенок спал, раскинувшись поверх одеяла. Женщина осторожно укрыла его, подоткнув одеяло со всех сторон, отошла на цыпочках и снова тихо пробормотала:

– Кому это нужно?

Что она при этом имела в виду, осталось неясным – женщина уже долгое время жила одна, и у нее, как у многих одиноких людей, появилась привычка разговаривать с самой собой подобными отрывистыми фразами.

На кухне она налила себе чашку кофе, сделала пару глотков. Кофе оказался теплым, и она вылила содержимое чашки в раковину. Двигалась она порывисто, угловато. По лицу было видно, что мыслями она где-то очень далеко от этого кофе, от своей тесной квартирке, от

ребенка, – вообще от всего, что ее окружало. Она машинально сунула руку в карман, достала пачку сигарет, открыла ее, заглянула. Пачка была пуста.

– Где была моя голова? – спросила сама себя женщина. – Черт это все возьми, где вообще все время была моя голова?

Она швырнула пустую пачку в мусорное ведро и торопливо вышла в прихожую. Накинула плащ, проверила деньги в кошельке, крупные купюры вытащила и оставила на полочке рядом с телефоном. С собой взяла только пятитысячную бумажку – на сигареты. Прислушалась к звукам. Слышен был только шум дождя за окнами. Ребенок крепко спал. Женщина взяла зонтик и вышла из квартиры, заперев за собой дверь на все замки.

Она торопливо прошла по темному двору, свернула за угол дома и вышла на хорошо освещенную улицу. Прямо перед ней в небе светилась неоновая реклама Мостранс-агентства, правее мигали огоньки ночного магазинчика. Но она шла мимо них, дальше, к зданию метро, вокруг которого густо расположились ночные палатки. Там кипела жизнь: парни в кожаных «косухах» громко смеялись, сразу из трех динамиков над разными киосками звучала музыка, гуляла совершенно пьяная и совершенно промокшая девица, время от времени пытаюсь закурить под дождем. Сигареты у нее тут же намокали и гасли, и тогда девица тихо, но отчетливо ругалась. Неподалеку от метро стояла милицейская патрульная машина, и около нее мыкался упитанный паренек в бронежилете и с автоматом.

Женщина выбрала в одном из киосков пачку своих обычных сигарет – она предпочитала крепкие, «Лаки страйк», – расплатилась, тут же, не отходя от киоска, распечатала пачку, полыхнула зажигалкой и под прикрытием зонтика спокойно отправилась обратно. Какой-то кавказец попросился к ней под зонтик – он, дескать, вымок, какой-то парень проводил ее остекленевшими глазами. «Накурился», – подумала она про парня, а кавказцу ничего не ответила. Для того чтобы отшить подобных кавалеров, у нее всегда уходило немного усилий. «А вот чтобы кого надо приворожить, – вздохнула она про себя, затагиваясь резким, щекочущим дымом, – вот для этого ума надо побольше... Дождь вроде кончился».

Действительно, дождь кончился, только изредка с черного неба капало. Женщина закрыла зонтик, отряхнула его и пошла неторопливо, пользуясь возможностью прогуляться перед сном. «Может, хоть усну нормально, – думала она, стараясь держаться поближе к освещенной магистрали. – Хотя нет, поможет мне прогулка как мертвому припарки... Делай что хочешь – не уснешь. Почему я такая дура? Почему другие как-то могут устраиваться, а я – нет? И сегодня он опять отказался зайти. Стоило унижаться! Очень он нужен своей красавице, можно подумать! Эта наглая тварь никогда его за человека не держала... Детей у них нет. А я? Нет, я что-то не то делаю. Надо что-то решать!»

Этой женщине было всего двадцать восемь лет, у нее была хорошая фигура, мягкие ухоженные руки, красивые голубые глаза. У нее была однокомнатная квартира в хорошем районе Москвы, норковая шубка из кусочков, машина – правда, не на ходу, – два золотых кольца с мелкими бриллиантами (которые остались у нее дома, на полочке рядом с телефоном). Два золотых кольца, ни одно из них не было обручальным. Еще у женщины был сын. И она, имея все это, чувствовала себя глубоко несчастной. В этот майский вечер и во все предыдущие вечера.

«Есть еще один выход! – думала она, отходя несколько в сторону от дороги, чтобы несущиеся мимо машины не обдали брызгами ее светлый плащ. – Надо позвонить ему, то есть уже не ему, а прямо ей. Позвонить и все сказать. Какого черта я до сих пор молчу?! Представляю себе сцену, представляю! Стоит ей только все узнать!»

С этими мыслями женщина вошла к себе во двор, ступая еще медленнее и осторожнее, чтобы не свернуть каблук. Окурок она выбросила, он прочертил в воздухе огненную дугу и шлепнулся в лужу. Где-то сзади хлопнула дверца машины. Женщина открыла дверь своего подъезда, ступила в душную темноту, удивилась тому, что лампочка, которая при ее выходе горела на площадке первого этажа, теперь потухла. «Перегорела, как назло, – подумала она. –

Или вывернули, очень просто. Бабки из нашего же дома выворачивают и свои, перегоревшие, выворачивают. Очень даже просто».

Она занесла ногу над ступенькой, опасаясь попасть мимо, неуверенно ступила. Занесла другую ногу, крепче взялась за перила. В доме не было лифта, о чем она всегда очень жалела. Подняв голову, она отметила, что темно и на площадке второго этажа. «Чушь какая, ведь когда я уходила, было светло, – удивилась она. – А на третьем? Нет, на моем этаже вроде горит... Что за дела?»

На площадке первого этажа не было дверей – с другой стороны дома располагался продуктовый магазин. Она протянула вперед руку, чтобы не вытереть плащом не очень чистую стену. В это время хлопнула дверь – в подъезд кто-то вошел. Она обернулась, но, конечно, никого не увидела.

– Темень какая, – сказала она тем не менее, полагая, что это кто-то из соседей.

«Давно пора поставить домофон, шляются всякие!» – подумала она. Никто ей не ответил, раздались быстрые шаги – бетонная площадка, три ступеньки. Неизвестно почему, она осталась на месте. Может быть, потому, что и на втором этаже было темно, бежать было бы трудно. Если бы там было светло, она бы еще попробовала.

– Что... – успела только начать сдавленным голосом, всей кожей чувствуя неладное, как тут же узнала мужчину, который подошел вплотную. – Тьфу, это ты! Как ты меня напугал! Что ты тут делаешь?

Мужчина поднялся еще на одну ступеньку, и она в который раз отметила, насколько он выше ее. Она смотрела на него снизу вверх. Его лица она не различала в темноте, но узнавала его, как узнают своих старых знакомых по фигуре, по форме головы, даже по дыханию. А его она узнала еще и по запаху одеколона. Он всегда пользовался одним и тем же одеколоном, и однажды она спросила, как он называется. Услышав ответ, засмеялась: «Это так тебе подходит!»

– Ты что, в гости? – спросила она, отступая немного назад, чтобы они могли вдвоем разместиться на площадке. – Я тебя вообще-то не ждала...

Внезапно она почувствовала, какая холодная и жесткая стена у нее за спиной. Очень холодная и очень жесткая, особенно когда по ней царапаешь ногтями, бьешь острым каблуком, пытаешься вырваться, мотаешь головой, задыхаясь, пытаешься крикнуть, еще не понимая, что мешает тебе дышать...

Глаза она все время держала открытыми и внезапно увидела лицо мужчины так, словно в подъезде вспыхнул яркий свет. «Свет, – пронеслось у нее в голове. – Кто-то включил свет. Здесь».

Ей казалось, что она борется все успешнее, вот-вот вырвется, вывернет шею из туго намотанного платка, исчезнет эта безжалостная стена позади нее. По крайней мере, боли больше не было. Боли не было совсем. Откуда-то появился воздух – воздух был светящийся, зеленый, почему-то совсем насыщенный – им невозможно было надышаться всласть, невозможно было вздохнуть хоть раз. В ушах у нее оглушительно звенело, и она уже не чувствовала ни рук, ни ног, ни стены. Мужчину она тоже уже не видела.

В подъезде было совершенно темно и тихо. Женщина перестала сопротивляться, и теперь тому, кто видел эту пару со стороны, могло показаться, что это встретились любовники и мужчина нежно поддерживает обеими руками голову женщины, чтобы поцеловать ее в губы. Он тяжело дышал, она же не произносила ни звука. Спустя какое-то время он отпустил ее, резко дернув к себе обмотанный вокруг ее шеи шелковый шарфик. Женщина осела на пол, проехав спиной по грязной стене. Плащ собрался гармошкой у нее на плечах и рукавах, ноги вытянулись на всю площадку, с одной из них свалилась светлая туфля. Мужчина склонился над женщиной, торопливо обшарил ее одежду, задрал короткую узкую юбку и рывками принялся стягивать с ее бедер колготки и резко белеющие в темноте трусики. Внезапно ему показалось,

что на каком-то этаже наверху открылась дверь. Он замер, прислушиваясь, и, убедившись, что где-то высоко действительно звучат чьи-то шаги, молниеносно выхватил из кармана ножницы, разрезал трусики по боковым швам и, сорвав их, сунул себе в карман и бегом бросился вон из подъезда.

Свою машину он оставил в дальнем конце двора, и к ней пришлось бежать, бежать не разбирая дороги, прямо по грязи и лужам, под дождем, который снова припустил вовсю. Наконец мужчина отпер дверцу, сел за руль, включил зажигание и торопливо стартовал. Насколько он видел, никто из подъезда не вышел, тем более не выбежал с диким криком, никто его не догонял. «Это могли быть соседи, – сказал он себе, вырываясь на магистраль и вливаясь в поток машин. – Тише, не гони, тут пост. Проехали. Это могли быть соседи. Сосед пошел к соседу за щепоткой соли. Глупости. Никто за тобой не едет!»

Никто за ним не ехал, в этом он убедился, свернув на Пресню, углубившись в переулки и окольными путями выехав на Тверской бульвар. Убедив себя в этом, он включил «дворники», чтобы стереть с лобового стекла последние капли дождя, который перестал идти, опустил до половины стекло и сунул в рот плиточку мятной жевательной резинки – во рту был противный кислый вкус.

– Мерзавка! – сказал мужчина вслух, думая о том комочке материи, который лежал у него в кармане. – Моя милая, дорогая, моя душечка, мерзавка! Вот теперь все!

Огни его машины мелькнули в конце бульвара и совсем перестали выделяться в потоке других, точно таких же огней.

«Отвратительный день, – подумала она, вынимая ногу из туфли и всовывая ее в тапочку с большим розовым помпоном. – Совершенно неудачно все сложилось, как назло! А его дома нет, гляди-ка! Без пятнадцати десять! И где шляется?»

Катя бросила сумочку на тумбу в прихожей, пристроила в угол большой пакет, из которого торчали две длинные французские булки и слегка увядшая белая роза, и прошла в комнату мужа. Когда-то, в начале их совместной жизни, эта комната называлась «общей», а другая, где теперь обитала она, – «спальной». Но общего у них с давних пор осталось так немного, а спали вместе они так редко, что эти две комнаты как-то сами собой поменяли свое предназначение и названия и теперь назывались просто – комната Кати и комната Игоря.

– Так, – сказала она вслух, оглядев обычный беспорядок. – Мы не убрались. Чего и следовало ожидать. Это все оставлено тебе, Катенька!

Она подняла с пола смятую рубашку, отметила машинально, что ворот ее стал совсем серым, прибавила к ней парочку валявшихся тут же носков и отметила про себя, что муж унесся куда-то как на пожар. В углу на столике бормотал невыключенный приемник, она сделала звук погромче и прослушала сводку погоды на завтра. В Москве ожидалась теплая солнечная погода, преимущественно без осадков. «Да, это весна, – сказала она себе. – А чудес что-то не видать... Чудесная весна у меня, однако!»

На столике рядом с приемником стоял пустой стакан, она взяла его и понюхала. Слабо пахло джином.

– Он пил мой джин, – пожаловалась она неизвестно кому. – Куда я должна его спрятать, чтобы он к нему не прикладывался?! На работу унести и запереть в сейф?! Придурок!

Стакан Катя унесла на кухню, рубашку и носки кинула в стиральную машину. Стирки снова набрался полный бак, но когда стирать, сушить и гладить – никому не известно. Но об этом Катя уже не думала. Она страшно замерзла и потому торопилась сделать себе что-нибудь горячее. Поставила чайник на плиту, сняла с себя мокрый белый пиджак и повесила его на спинку стула. В ванной разделась, окатилась горячей водой под душем, растерлась мохнатым полотенцем и несколько пришла в себя. Мир теперь не казался таким ужасным, каким был в ее глазах весь вечер. Плохо было только то, что начинала болеть голова.

«Я слишком много работаю, – сказала про себя Катя, выпив таблетку цитрамона. Подумала и выпила еще одну. – Все от этого. И еще от того, что покоя нет. Нет, хоть тресни, хоть расшибись ради этого покоя! Как мало мне, в сущности, надо! Но и этой малости нет... Хотя пора бы ей уже появиться, пора бы успокоиться...»

Чайник вскипел, и она устроилась за кухонным столом с большой фарфоровой кружкой в руке. Дула на дымящуюся поверхность чая, слушала редкий стук капель о стекло балкона и думала о сегодняшнем неудачном дне. В сущности, единственной настоящей неудачей был ее утренний визит в парикмахерскую. Но зато и неприятностей с этой стороны она никак не ожидала. Стриглась она уже несколько лет у одного и того же мастера. Мастер этот, а вернее, мастерица никогда не обманывала ее ожиданий. Во-первых, Ира Ардашева была ее старой школьной подругой, когда-то они вместе с Катей закончили десятый класс. Во-вторых, Ира на самом деле была классным парикмахером, и к ней на стрижку постоянно была записана целая очередь жаждущих преобразиться под ее ловкими, мягкими, всегда очень ухоженными руками. Катя, как подруга и «просто как хороший человек», по выражению Иры, всегда проходила к ней без очереди. В довершение всего Ира никогда не брала с Кати денег сверх положенного, хотя та, смущенная своей привилегией, несколько раз пыталась сунуть ей «на чай». «Обойдусь! – отказывалась Ира. – Тебе нужнее!»

– Вот и обошлась! – пробормотала Катя себе под нос, ощупывая размокший и развившийся над ухом локон. – Боже мой, что она мне настригла!

Сегодня, впервые за последние два года, был совершенно разрушен образ Кати – тот самый образ, который Ира когда-то сама и создала. «Посмотри на себя в зеркало! – требовала она, усаживая Катю в кресло. – Ты ведь вылитая та баба, по которой все мужики в свое время сходили с ума!» Она показала Кате киножурнал, валявшийся у нее на столике, и Катя с удивлением узнала большой фотопортрет Марлен Дитрих. «Думаешь, есть что-то общее? – неуверенно спросила она тогда. – Мне так не кажется...» – «Скулы, нос, лоб, подбородок...» – зачестила Ира, вертя кресло вместе с Катей в разные стороны. Катя критически осматривала себя в зеркале. Да, действительно, Ира в чем-то была права. Насчет «вылитая» можно было поспорить, но что-то есть, что-то, несомненно, есть в этом лице, всегда слишком белом, сколько ни загорай, в этих высоких, дугами выгнутых тонких бровях и в этих глазах, спокойных серых глазах, которые всегда смотрят так, словно ждут чего-то... Хотя на самом деле ничего они не ждут, подумала тогда Катя и согласилась: «Ладно, стриги!»

И тогда, два года назад, она превратилась в Марлен Дитрих – в Марлен Дитрих с ее прямыми плечами, насмешливыми улыбками и светлыми брючными костюмами. И со светлыми локонами Марлен вокруг лица, которым все любовались с тех пор, как она себя помнила. Однако сама она не находила в нем ничего потрясающего – и не кривила душой. «Игорь сказал бы, что это мой обычный скептицизм, – подумала она, прихлебывая из кружки остывающий чай. – Интересно, что он скажет, увидев меня сегодня? И где он бродит в самом деле?»

А на самом деле это ее не очень волновало: то, где он бродит, и то, что он скажет. В ее отношениях с мужем давно наметилась странная закономерность: она совершенно не замечала его, когда он был дома, но всегда замечала его отсутствие. «Я ревную? – Она улыбнулась одними уголками губ. – Глупости! Ревновать совершенно не к кому и не к чему... О, я бы даже обрадовалась, если бы могла его ревновать! Это бы значило, по крайней мере, что еще не все погибло... Но это все, все. Это конец».

Но от этих грустных размышлений, как ни странно, ей вовсе не сделалось грустно. Она погрузилась в воспоминания, чашка чаю стояла перед ней недопитой, рука теребила махровый пояс белого халата, но Катя, по-видимому, не сознавала этого. Ее серые глаза потемнели, как было всегда, когда она о чем-то глубоко задумывалась, и приобрели странное выражение. Казалось, она кого-то видела перед собой, хотя кухня была совершенно пуста.

«Кажется, что все это началось очень давно, – думала она. – На самом деле – совсем недавно... Мне было двадцать лет. Восемь лет назад. Игорю было двадцать три. Студент биофака МГУ. Хорошая партия, как говорили все. Квартира, кооперативная квартира сразу, от его папы. Редкостное счастье, и все мне завидовали. Сам весьма недурен – высокий, лицо приятное, разве что несколько полноват... А глаза – зеленые, и еще красивей, чем у меня, пусть говорят, что хотят. Да, глаза у него были красивые». Тут она поймала себя на мысли, что думает о муже в прошедшем времени. «Почему были? – удивилась она. – Разве сейчас они уже не так красивы, как раньше? Нет, для меня сейчас в нем нет ничего красивого. Все исчезло, хотя все осталось на месте. Но, Боже мой, почему? Значит ли это, что я никогда его не любила? То, что я чувствовала, обычно называют любовью. По крайней мере, так это принято было называть, сейчас я ни за что не сказала бы, что это любовь. Но это сейчас... Для этого надо стать такой, какая я есть...»

Она вздохнула, допила холодный чай и отправилась к себе в комнату. По дороге подняла с пола в прихожей пакет, достала оттуда розу, а длинные булки разломала, точнее, разорвала пополам и упаковала плотнее, чтобы они не высохли. Пакет она положила на холодильник в прихожей, а розу унесла к себе. С ней она и легла на тахту, свернулась калачиком и закрыла глаза. «Я очень устала, – сказала она себе. – Мне надо уснуть, и немедленно. Завтра рано на работу. Почему я не могу уснуть, не дожидаясь его прихода? Зачем мне нужно видеть, как он входит, смотрит этими своими собачьими глазами, точнее, глазами побитой собаки? Зачем слышать, как он говорит: „Ездил за мясом...“

Неужели это просто последняя видимость семейных отношений, которую я пытаюсь сохранить? Встречать мужа, говорить ему «привет». Ложиться спать – всегда у себя, всегда отдельно на этой тахте, вот уже четвертый год... Боже мой, как это дико! Если кто-нибудь услышит, что мы с ним живем вдвоем как монахи-отшельники, чисто и безгрешно, умрет со смеху! Впрочем, что тут умирать... Сразу скажет – лечиться надо. Он лечится, он уже четвертый год лечится, а толку нет. Врачи говорят ему: здесь плохая экология, у вас переутомление, расшатаны нервы, нужно серьезное лечение, смена обстановки... Но так говорят, когда больше нечего сказать. Все равно у него ничего не выйдет, ни с Марлен Дитрих, ни с Брижит Бардо! Это необратимо. Это смешно!»

Но она не засмеялась. Вздрогнули длинные ресницы, по лицу пробежала какая-то тень. В маленькой комнате над постелью горел зеленый светильник, освещая ее белый халат, коротко остриженную голову, руку, которая все теребила и теребила лепестки увядшей розы. По подоконнику барабанили капли дождя, так громко, что ей показалось, что окно открыто. Она даже подняла голову и взглядела в него, убедившись в своей ошибке, она снова закрыла глаза.

«Возможно, виновата я. Он всегда находил меня слишком холодной. Говорил: „Не будь такой надменной хотя бы в постели!“ Возможно, я. Нет, при чем тут я, когда я всегда оставалась одной и той же, это он менялся с каждым годом! Если бы причина была во мне, в моем поведении, в постели или не в постели, тогда почему он с самого начала вовсе не был импотентом? Все было нормально, нечего сваливать на меня... Я бы поняла, если бы в конце концов ему надоела и он нашел бы себе другую женщину – для встреч или для новой семьи, мне, в сущности, все равно! Но он просто заболел. Принято обвинять женщин, но я не виновата ни в чем. Слишком холодна? Но, милый мой, мне-то не было холодно! Мне всегда было жарко, уж во фригидности меня обвинять смешно! В чем ты чувствовал холод? Во мне? Или этот холод всегда таился в тебе самом? Боже мой, теперь этого уже не понять... Теперь холод повсюду, холод между нами, да что там – холод! Лед, бронированное стекло! Две разные комнаты. „Привет, будешь ужинать? Будешь? Тогда приготовь себе ужин сам, я очень устала“. Моя мама сошла бы с ума, если бы слышала, как мы с ним разговариваем. Но она никогда этого не слышала. Для нее все нормально, все как было. Нормальная семья. Я никогда никому не жаловалась. Когда он потерял свою работу и стал возить из этого дурацкого пригородного хозяйства мясо

на какой-то базарчик, когда он стал зарабатывать какие-то копейки, стала зарабатывать я. Его мясо арестовывали, потому что у него не хватало каких-то справок, он не мог его сдать ни в один магазин – никто не работает с частными лицами, с ним случались все неприятности, все до единой, какие только могут постичь разорившегося коммерсанта-одиночку, а я кормила его. Может быть, из-за этого он стал импотентом? Из-за своей неудачи в делах? Из-за уязвленного самолюбия? Такое тоже бывает... Но нет, все началось куда раньше...»

Она открыла глаза и посмотрела на часы. Отметила, что уже без десяти одиннадцать, а его все нет.

«Это уже слишком. – Она поймала себя на том, что начинает беспокоиться. – Что могло случиться? Обычно он не задерживается так допоздна. Да и где ему задерживаться? На рынке ведь он не торгует, только сдает мясо торговцам. Ездит в пригород за мясом и привозит его в Москву, вот и весь бизнес. Но разве сегодня он собирался куда-то ехать? Кажется, нет... Или да, уже не знаю. Надо было спросить. Но зачем бы я стала спрашивать?»

Как раз в это время в замочной скважине повернулся ключ, и она услышала, как открылась входная дверь. Помимо своей воли она вскочила и вышла в прихожую.

– Поздно, – сорвалось у нее.

Он встретил эти слова удивленным взглядом.

– Ты что, беспокоилась? – спросил, наклоняясь и расшнуровывая ботинки. – Напрасно. Я немного задержался...

– Немного? – иронически переспросила она. – Уже одиннадцать!

– Я тебе удивляюсь. – Он выпрямился, и она почти с ненавистью встретила взгляд этих виноватых зеленых глаз. – Я ведь не маленький. Мне, конечно, очень приятно, что ты обо мне беспокоилась. Но ты ведь знала, что я поеду за мясом.

– За мясом? Нет, этого я не знала! – отрезала она. – И помилуй, какое мясо в такое время! Ночь на дворе!

– Мне надо было привезти мясо... – пробормотал он, боком стараясь протиснуться мимо Кати на кухню. – Мне заказали...

– Мяса полный холодильник. – Она открыла дверцу холодильника, стоявшего в прихожей. Из-за этого занятия мужа в квартире приходилось держать два холодильника, чтобы хранить мясо, которое он почему-либо не успевал сдать. – Битком набито.

– Это телятина, а мне заказали говядину, – донеслось из кухни, и вслед за этим там прогремели крышкой кастрюли.

– И где же эта говядина? – крикнула она туда.

– Сдал, – последовал короткий ответ, и Катя вернулась к себе в комнату, плотно прикрыв дверь, чтобы не слышать и не видеть мужа. В прихожей повис устойчивый запах его одеколona – раньше он нравился Кате, теперь же вызывал массу неприятных ощущений. «Но дело не в том, что муж или одеколona стали хуже, – сказала она себе, укладываясь в постель. – Дело в том, что оба мне осточертели! Пусть дело во мне, если так! Пропади все пропадом!»

Она повернулась в постели и ахнула – в бок впились какие-то колючки. Катя села и извлекла из-под себя смятую розу. Швырнула ее на ковер... «Ну что за день такой! Ирка меня обкорнала почти под мальчика, Дима, кажется, ужаснулся, когда увидел... Да все на работе ужаснулись! Хотя из вежливости говорили, что мне так еще лучше... Может, я еще и привыкну к такой стрижке, а нет – так придется покупать парик... А Игорь даже не обратил внимания! Вот до чего дошло – смотрит на меня и даже не видит... Это конец, куда уж дальше! День был сумбурный, развалилась уже сформированная группа на Фиджи, у кого-то оказался недействительный паспорт. Паспорт-то не заметила я, когда брала деньги за путевку, а почему не заметила? Думала о другом, было о чем подумать. Да, было. Думала, наверное, о Диме. Он опять настаивал на моем разводе, приспичило ему на мне жениться, верный мой рыцарь без страха и упрека... Старая любовь, со школьной скамьи! Вот чем увенчалась эта его любовь –

дождался своего, когда пришло время, я ведь не каменная, мне кто-то нужен... Игорь может быть доволен – пока все было в порядке, ну хотя бы в постели я была ему верна. Но потом – чего он мог требовать? Дима вытащил меня из нищеты, меня и Игоря, Дима появился и дал мне работу в своем турбюро, Дима платил мне хорошие деньги, устраивал мне поездки за границу, побывала на всех курортах, конечно, только благодаря ему... Дима утешил меня и в постели. Место было свободно, и он его занял. А как я чувствую себя после этого? О, чудесно! Как я еще могу себя чувствовать?! Я должна быть счастлива! Муж-тихоня, любовник-ангел, прекрасная работа, деньги. Эта чертова стрижка, эта чертова роза, которую мне преподносит Дима в знак своих нежных чувств, преподносит на глазах у всего персонала, ничуть не скрывая наших отношений. Эта чертова погода, этот дождь, из-за которого я вымокла как мышь, потому что не взяла с собой зонтика, а у Димы в конце рабочего дня появились какие-то дела, и он укатил, расцеловав мне ручки! Я – чертова шлюха, самая настоящая шлюха, потому что я не люблю больше никого, ни того, ни другого, а когда женщина не любит, она становится шлюхой».

В дверь ее комнаты тихо постучали. Она села и зажгла свет.

– Можно? – Игорь приотворил дверь и заглянул. – Катя, я забыл тебе сказать, ты прекрасно выглядишь. Стрижка замечательная!

– Это произведение Ирины, – мрачно ответила она. – Мои школьные друзья меня не забывают, радуют, чем только могут.

Он неловко улыбнулся. «Ты ведь все знаешь про меня и про Диму, ты ведь все знаешь с самого начала! – прокричала она про себя, встретив его взгляд. – Почему ты молчишь? Тебе все равно? Ну назови меня шлюхой, скажи мне то, что я заслужила! Я бы тебя тогда уважала! Но ты молчишь, ты позволяешь брать меня первому встречному! Мне грош цена после этого! Хоть выругайся, в конце концов!»

Игорь, видимо, что-то почувствовал. Он изменился в лице, подошел к постели и присел на краешек. Она удивленно посторонилась, давая ему место. Такие нежности давно уже были у них не в ходу.

– Что-то случилось? – спросил он, вглядываясь в ее лицо. – Неприятности?

– Так, мелочи, – неопределенно ответила она. – Скорее плохое настроение.

– Из-за стрижки?

– Нет. – Она пристально посмотрела на него. – Есть другие причины.

«Он испугался, – отметила она про себя. – Сжался весь, бедняга. Он боится, что я снова начну выяснять отношения. Боится моих признаний в неверности. Все давно в прошлом, все признались, все выяснили. Говорить не о чем. Зачем он тут сидит?»

Словно услышав ее мысли, Игорь сделал движение, чтобы подняться.

– Раз ты не хочешь говорить... – пробормотал он. – Я пойду поем.

– Постой! – Она вдруг схватила его за рукав, обнаружив при этом, что он промок насквозь. – Ой, что это? Где ты так промок? Что, машина сломалась?

– Машина в порядке, промок еще за городом, – ответил он, – пришлось ждать на улице, пока придет один человек.

– Я тоже промокла. – Она глядела ему прямо в глаза. – Один человек не смог меня подвезти до дому, а зонтика у меня не было.

Воцарилось молчание. Он наконец встал.

– Ты ни о чем не хочешь меня спросить? – Она подняла брови, глядя на него с неприкрытой издевкой. – Тебе совсем неинтересно, как я провожу свое время?

– Думаю, что я знаю, как ты его проводишь последние несколько лет, – тихо ответил он. – Тебе хотелось бы поговорить об этом? Мне – нет.

– Тема неприятная, верно? – Она прикрылась простыней, заметив, что сидит перед мужем совсем голая. – Наводит на разные мысли?

– Мысль у меня только одна, – ответил он. – Я знаю, что я тебе обуза. Я давно предлагал развестись. Зачем ты меня мучаешь?

– Я тебя мучаю? – Она рассмеялась, смех вышел злой и неестественный. – Это я тебя мучаю? Нет, мой дорогой, оставь мне хотя бы надежду!

– Я тебя не понимаю, – отозвался он, отводя глаза. – Надежду на что?

– Надежду на то, что я все же порядочная женщина, – сказала она. – Иначе мне будет очень трудно жить. А не понимаешь ты меня давно. Можно сказать, никогда не понимал.

– Тебя понять трудно. Если мы разведемся и ты будешь спокойно жить одна, ты не будешь порядочной женщиной? Или, чтобы быть ею, тебе нужна отметка в паспорте о том, что ты замужем?

– Глупости! – оборвала она его. – Я не хочу менять шило на мыло! Прости, но, если мы разведемся и я выйду замуж за Диму – а это он мне много раз предлагал, – будь уверен, я окажусь в том же самом положении. Если я и разведусь с тобой, то только тогда, когда кого-нибудь полюблю. А, теперь ты улыбаешься! Тебе смешно слышать, что я кого-то могу полюбить?

– Всегда думал, что настоящая любовь у тебя впереди, – ответил он. Теперь он на самом деле улыбался. – А разница между мной и Димой, я полагаю, все же есть. Так что это не совсем шило на мыло, сама подумай.

– Эта разница, – усмехнулась она. – Сколько разговоров об этом, сколько врачей, сколько слез! А она не стоит ничего! Опять смеешься! Прости, но не могу же я развестись с тобой и выйти замуж за другого, такого же чужого мне человека только потому, что у него стоит, а у тебя – нет!

Он то ли поморщился, то ли улыбнулся – понять было трудно. Заметив на полу розу, наклонился, поднял ее и положил на постель.

– Ты сказала главное слово. – Он говорил очень спокойно, и она притихла. – Нет, это не слово «стоит». Это слово – «чужой». На самом деле ты права. Дело только в этом слове.

Она хотела что-то сказать, но он остановил ее жестом:

– Я хорошо понимаю, что, как только ты найдешь кого-то, кто будет соответствовать твоему идеалу, ты со мной расстанешься. Я сам виноват, что не смог быть для тебя тем, кто тебе нужен. Помолчи, прошу тебя!

Катины пальцы быстро терзали белые лепестки, сминали их и разбрасывали по постели. Ее губы были плотно сжаты, глаза опущены.

– Если ты считаешь, что порядочно жить вместе так, как живем мы с тобой, – я буду с тобой жить, – продолжал он. – Если ты перестанешь так считать – я уйду. Тебе надо только сказать мне об этом. Но не надо меня мучить. Ты хотела напомнить мне о том, что вынуждена иметь любовника, которого не любишь точно так же, как меня? Ты хотела, чтобы я посочувствовал твоей судьбе? Я сочувствую и жалею, что не знаю никого, достойного тебя, чтобы вас познакомить. Ты хотела, чтобы я ревновал? Ты знаешь, что ревновать я не имею права, – как я могу...

Катя растерзала розу в клочки.

– Ты хочешь вечно напоминать мне о моем позоре, – заключил он. – Давай договоримся раз и навсегда: или мы молчим об этом и живем вместе, или мы расстаемся. Невозможно говорить об этом каждый день. Если хочешь, обсуждай это со своими подругами. Но не со мной.

– Ты знаешь, что у меня нет привычки откровенничать на такие темы, – солгала Катя. – Хорошо, я больше не заикнусь об этом. Кончено. Скажу только одно: если ты считаешь, что заболел из-за меня, – найди себе другую женщину, пока я буду искать другого мужчину.

– Ты знаешь, что мне теперь не нужен никто, – сказал он странным, хриплым голосом. – Никто вообще. И прошу тебя об этом молчать!

– Все, молчу. – Катя несколькими взмахами очистила постель от лепестков. – Не надо говорить ни о чем, ты прав. Просто было скверно на душе. Но это мое дело. Иди поешь и переоденься. Рубашка вся мокрая.

– В самом деле... – Он провел ладонью по груди. – Я и не замечал.

Он уже подошел к двери, когда она окликнула его:

– И послушай, не мог бы ты сделать одолжение и не душиться так сильно? Невозможно находиться с тобой рядом.

– Тебе кажется, – отозвался он, скрываясь за дверью. – Запах вовсе не такой сильный.

Она потушила свет, закуталась в одеяло и закрыла глаза. «Спать, спать и не плакать, – приказала она себе. – Завтра рано вставать. Надо разыскать того мужика с неисправным паспортом. Где он живет? Кажется, в Мытищах... Мытищи...» Мысли стали путаться, и она уснула внезапно, словно кто-то вынул у нее из головы батарейку, приводящую в движение разум. Она на самом деле очень устала.

А муж ее в это время лежал на диване в другой комнате, слушая ночное бормотание радиоприемника. Окна бывшей «общей» комнаты выходили на оживленную улицу с большим движением, которое не стихало даже ночью. Он считал, что бессонница развилась у него именно потому, что ему мешал шум проносившихся внизу машин, резкие гудки, вой сигнализации вдоль обочины дороги, который отдавался у него резкой болью в виске. И теперь он медленно, осторожно массировал левую сторону головы двумя пальцами, прислушиваясь к неутраченной боли. «Надо выпить таблетку, – подумал он. – Но таблетки у Кати. Она уже спит, наверное». Но даже если бы она не спала, он не решился бы сейчас войти к ней. «Моя милая, дорогая... – твердил он про себя. – Моя милая, дорогая...» Эти слова теперь не имели для него никакого смысла. Он повторял их просто так, чтобы забыться, не понимая, о ком говорит. Женщина в соседней комнате не производила ни звука. Если бы она стала ворочаться в постели, он бы немедленно это услышал. Но там было тихо.

Мужчина встал, подошел к окну и откинул штору. Вгляделся в несущийся внизу поток огней, в ряд освещенных киосков у дома напротив. Вздрыгнул, словно ему внезапно стало холодно.

– Это ужасно, – прошептал он почти беззвучно. – Значит, скоро я сойду с ума. Это так и кончится. Я сойду с ума, если она узнает...

Возле окна действительно было холодно, но он продолжал так стоять, пока совсем не продрог.

Глава 2

На другое утро Катю разбудил звонок в дверь. Она испуганно подняла встрепанную голову, посмотрела на будильник. «Прospала? – было первой мыслью. – Почему он не звонил?» Но тут же она поняла, что будильник звонить не мог – стрелка еще не подошла к восьми часам, когда она обычно вставала. В дверь снова позвонили. «Кто бы это мог быть?» Катя выбралась из постели, накинула халат и пошла открывать. По дороге заглянула в комнату Игоря и увидела, что диван застелен покрывалом и мужа в комнате нет. «Уже ушел? – удивилась она. – Заработался мужик...»

– Кто там? – спросила она, прикинув к двери. Посмотрев в глазок, она тут же увидела, кто там, и открыла. – Привет! Что случилось?

– Ничего, – сказал Дима, быстро окинув глазами прихожую. – Ты одна?

– Одна, можешь войти. – Катя пропустила его в квартиру и закрыла дверь. – Еще и восьми нет, почему ты так рано?

Дима обычно заезжал за ней без пятнадцати девять, но никогда не поднимался вверх, а ждал ее в своей машине за углом дома. Сегодняшнее его поведение было из ряда вон. Катя с недоумением рассматривала неожиданного гостя.

Он был высокого роста (ей всегда везло с высокими мужчинами), очень худой, но мускулистый. Лицо подвижное, нервное, прямой тонкий нос, длинные губы с красивым изгибом, щеки синеватые от быстро прорастающей щетины. Брюнет, круглые черные глаза сильно навывкате, из-за чего Кате казалось, что он всегда чему-то удивляется. Сейчас эти глаза быстро обшарили квартиру, в которую он попал впервые за все время их долгого знакомства.

– Слушай, я мог бы, конечно, подождать тебя в машине, – заговорил он, обхватывая ее плечи и целуя в щеку, в губы, в шею...

Катя упиралась ладонями ему в грудь и отталкивала его.

– Ну, не сердись! Просто я увидел, как твой вышел из подъезда и умотал куда-то, вот и решил подняться...

– А почему ты приехал так рано? – Ей удалось высвободиться и оправить халат, который успел распахнуться сверху донизу. – Ты что, решил следить за мной? Или за Игорем?

Дима поморщился и помотал головой. Движения у него были быстрые, резкие, за его мимикой трудно было уследить. «Ничуть не изменился со школы, – подумала Катя. – Такой же шепутной парень и вроде даже не взрослеет. Другие мужчины рядом с ним кажутся покойниками. И как он умудряется вечно помяться?» Дорогой бежевый костюм Димы, – костюм, который они с Катей вместе покупали в Италии, – выглядел так, словно его владелец в нем хорошо выспался.

– Кофе дашь? – спросил он тем временем. – Или выкинешь меня за дверь?

– Начальников за дверь не выкидывают, – сказала Катя, направляясь в ванную и приводя себя в относительный порядок перед зеркалом. Она была не накрашена, но перед Димой не стеснялась этого – он видел ее и не в таком виде. Ватный тампон с лосьоном, несколько взмахов массажкой... «При моей теперешней стрижке управляться с волосами проще простого, – подумала она. – Спасибо и за это...»

– Я поставил чайник! – послышалось из кухни. Дима, как всегда, быстро осваивался в новой обстановке. Любого хозяин, принимавший его у себя дома, немедленно начинал чувствовать себя гостем в собственной квартире. – Я поставил чайник, а у тебя сливки есть?

– Ну не в ванной же им быть! – несколько раздраженно отозвалась Катя. – Посмотри в холодильнике.

– Нашел!

Она вошла на кухню и застала Диму за рассматриванием большого букета засохших, почерневших роз, которые когда-то были красными. Букет давно следовало выкинуть, да у Кати все руки не доходили, а Игорь к подобным подношениям не притрагивался.

– Слушай, а как он относится к этому? – спросил Дима, показывая на букет. – Наверное, устраивает сцены?

Катя покачала головой и сняла с плиты вскипевший чайник. Воды в нем оказалось ровно на две чашки.

– Ты себе совершенно не представляешь нашу жизнь, – сказала она, насыпая в кружки растворимый кофе и сахар. – Никаких сцен он мне не устраивает. Относится спокойно. Сцены в основном устраиваешь мне ты.

Дима вытащил из кармана сигареты и закурил, не притронувшись к кофе. Его круглые глаза показались Кате еще более удивленными, чем обычно.

– Я устраиваю сцены?

– Каждый день, – твердо сказала Катя. – Сколько можно мусолить одну и ту же тему?

– А, ты про развод... – протянул он. – Ну, знаешь, если это сцены... Ты же с ним погибнешь! Зачем он тебе нужен?

– Я пока не погибла и еще не собираюсь, – ответила она, – но он мне не нужен, тут ты прав.

«И ты мне не нужен, мой милый, но этого ты от меня не услышишь, – подумала она. – Или услышишь, но потом, потом. Благодетель ты мой!»

– Он мешает тебе жить, – продолжал утверждать Дима. – Какого черта! Ты никогда не можешь остаться у меня до утра!

– Никогда?

– Ну, несколько раз оставалась, но это мелочи! Я хочу, чтобы ты была свободна, понимаешь? Чтобы никому не давала отчета, куда пошла и где была, и откуда у тебя этот костюм и эти духи, и кто дарит тебе цветы каждый день!

– О, представляю себе нашу с тобой жизнь! – засмеялась Катя. – Вот ты и задавал бы мне все эти вопросы! А он как раз ни одного из них не задает!

– Да ему неинтересно, потому он не задает, – возразил Дима. – Раз он тебя уже не любит.

– Он просто знает ответы на них, потому ничего не спрашивает, – отрезала Катя. – Нет у него такой дурацкой привычки! А вот ты... Ты говоришь, что хочешь, чтобы я была свободна! Свободна для чего? Для тебя? Для того, чтобы начать во всем отчитываться тебе?

– Ну, знаешь! – Дима фыркнул и взялся за кружку. – Я бы не стал тебя контролировать! Занималась бы, чем хотела! Я вовсе не мешал бы тебе жить! Ты вбила себе в голову, что муж тебе не нужен, и не желаешь ничего слушать! Глупая история! Ни один мужчина не уговаривал женщину столько, сколько я тебя!

– Уговаривали и дольше, да ничего хорошего из этого не получалось, – вздохнула Катя. – Не понимаю, зачем вообще кого-то уговаривать? Раз человек с самого начала ничего не хочет, то переубедить его нельзя. А если все же уломаешь, так он потом все тебе припомнит. Лучше не уговаривай меня, потом сам пожалеешь об этом. Будешь мне припоминать свои уговоры, свои унижения, и кончится тем, что ты выгонишь меня из фирмы!

Дима захохотал.

– Ты странная женщина! – воскликнул он, вытирая слезы, выступившие у него на глазах. – До чего ты любишь рассуждать на разные темы! С ума сойти! Ладно, не хочешь – не надо! Мой час еще придет.

«Как пришел однажды твой час, – подумала Катя. – Да, когда-то ты дождался своего. В школе ты был моей тенью. Говорил, что влюблен. Все знали об этом, все, все до одного – и учителя, и ученики... Меня, неизвестно почему, записали уже тебе в невесты... Меня это злило – ведь ты мне тогда совсем не нравился. Меня злило, что ты все решал за меня. Тебе даже

не надо было спрашивать, согласна я или нет. Ты просто считал меня своей будущей женой. Смешной! Смешной худой парень с безумными черными глазами! Ты нравился многим девочкам, они сходили по тебе с ума, особенно Ирка... Да, Ардашева по тебе просто убивалась. Я ее утешала: постой, дескать, все переменится, он поймет, что с меня проку не будет, и тогда ты возьмешь свое! Но, удивительный человек, ничего он не понял! После школы мы вообще не должны были видеться, а он все равно звонил, приглашал куда-то, не обращая внимания на то, что у меня есть муж, дарил цветы на день рождения и прочие праздники, не давал забыть о себе... Что ж, мне это было приятно – приятно знать, что уже несколько лет возле тебя есть рыцарь, правда, смешной и какой-то несерьезный... Рыцарь, который дарит тебе цветы, смотрит жадными глазами при „случайных“ встречах, которые сам подстраивает, рыцарь, который хочет тебя до скрипа в зубах. Господи, как это щекотало мое самолюбие! И все эти годы я даже не бросила ему ни одной косточки, ни разу его не поцеловала, ну разве что в щеку. Ничего с моей стороны, все – с его. И вот он дождался своего часа... Да, четыре, почти четыре года назад, когда у Игоря это началось... Сначала я ни о чем таком и не думала, потом... потом мне показалось, что я больше не интересую ни одного мужчину. Ни одного мужчину, хотя дело было только в Игоре. Но я этого не понимала. Состояние было ужасное. И вот опять появился он. И я поняла, что что-то изменилось. Изменилась я сама, изменился мой муж, изменился сам Дима. Он стал уверенней, наглей, настойчивей, как будто догадывался о чем-то. А может, и впрямь догадывался. Может, по мне уже все было видно, было видно, что уже полгода ко мне не прикасался мужчина. И настал тот вечер».

Даже сейчас, годы спустя, когда все угрызения совести давно остались позади, тот вечер вспомнился ей в мельчайших деталях. Был конец марта, и дела пошли совсем плохо. Игорь внезапно ушел из лаборатории, где работал все время после института. Почему ушел? «Меня сократили, я больше никому не нужен... – сказал он ей. – Но я попробую что-то поискать». Началась хандра. Катя в ужасе подсчитывала семейный бюджет и убеждалась в том, что на свою зарплату (тогда, в двадцать четыре года, она только начинала работать штатным сотрудником в одном из женских журналов) она прокормить себя и мужа не сможет. За плечами у нее остался факультет журналистики МГУ, в настоящем был безработный, потерявший к ней интерес муж, а в будущем не было совершенно ничего. Пустота. И когда снова явился Дима и пригласил ее в кафе, посидеть, вспомнить старое, Катя согласилась. «Кажется мне, что в тот вечер я даже была не особенно сыта, – вспоминала она теперь, глядя, как Дима пьет кофе и жует бутерброд с сыром. – Нет, дома, конечно, была овсяная каша и яичница... Но есть я эту гадость больше не могла. Предпочитала быть голодной».

В кафе Дима заказал роскошный ужин, шампанское, какое-то вино, обшлепанное со всех сторон фирменными этикетками, и немедленно предложил Кате работу. «Работу? – Катя не поверила своим ушам. – Что же это за работа?» Она слабо представляла себе, чем все эти годы занимался Дима, – как-то не интересовалась этим, как вообще не интересовалась Димой. «Классная работа, – сказал он, между делом беря ее руку и сжимая в своей. – У меня в турфирме. Дел невпроворот. У тебя классная голова, язык подвешен, ты ведь журналистка. Английский знаешь?» Выяснилось, что Катя знает английский очень хорошо, а французский – еще лучше. «Ах да! – хлопнул Дима ресницами. В его глазах застыло веселое удивление. – Ведь в нашей группе в школе ты была лучшей по французскому! Как я забыл!» И Катя согласилась работать у него немедленно, как только он назвал ей сумму оклада. «Плюс поездки за бугор, и, заметь, за счет фирмы! – заговорщицки шептал Дима, поедая глазами вырез ее кофточки. – Шикарная работа! Катенька, вся твоя жизнь пойдет по-другому!»

И жизнь Кати пошла по-другому. Теперь у нее было совсем немного свободного времени, чтобы подумать о себе и о муже. И это было к лучшему – думать об этом было горько. Игорь, судя по всему, оказался безнадежен. «Что там за врачи-коновалы! – возмущалась она, когда он приносил ей очередной диагноз. – Я сама поищу кого-нибудь. Нужен нормальный

специалист». – «И без специалистов все понятно... – бормотал Игорь, заваливаясь на диван. – А теперь – уйди, пожалуйста!» Он закрывал глаза и лежал так, пока Катя не покидала комнату. Одевался он все хуже, хотя Катя и привозила ему из-за границы время от времени что-нибудь приличное. Внезапно он занялся этой безнадёжной коммерцией – мясом. Катя долго удивлялась, как это ему пришло в голову, но, выслушав несколько лекций про чрезвычайно низкую закупочную цену в подмосковных совхозах, про парную телятину и знакомых торговцев на рынках, умолкла и купила второй холодильник. Купила новый гарнитур на кухню – он был привезен из Арабских Эмиратов, купила новый телевизор с видеоманитофоном, купила новую итальянскую спальню, в которой спала одна, шубу и два полных шкафа вещей. При этом она отмечала, что каждая новая покупка доставляет ей все меньше радости. «Зажралась я, что ли? – размышляла она. – Или это жизнь у меня такая безрадостная?» Некоторое время ее мучил один вопрос: унижает ли ее то, что она стала любовницей Димы? «Могут подумать, что я сделала это, чтобы получить работу, – рассуждала она. – Но никто ведь не знает, что случилось с моим мужем... Он есть, и в то же время его нет. А Дима? Лучше он, чем первый встречный. Лучше, конечно, лучше. Чем я могла его отблагодарить? Что у меня было? Женщина всю жизнь благодарит, благодарит, благодарит... И, как правило, всегда одним и тем же способом. Фу-ты, грязь какая! Вляпалась, Катенька, вляпалась наша гордая Катенька! Забудь про Марлен Дитрих и посмотри на себя, какая ты есть. Расплатилась одним местом со своим начальником. И платишь, и платишь, и платишь! А если я не за работу в фирме плачу! Если я плачу за свою дурацкую жизнь, за Игоря, за его бессилие, за то, что я просто женщина и мне нужен кто-то, ну хоть кто-то, кто любил бы, кто иногда...»

– Алло! – Голос Димы вспугнул ее.

Она спохватилась, что уже половина девятого, а она все еще не одета и не накрашена, и поднялась из-за стола.

– Посиди тут, – попросила она Диму. – Я сейчас приведу себя в порядок.

– Катя. – Он встал тоже. – Ты такая прелесть. Ну прости меня! Можно посмотреть, как ты будешь одеваться?

– Незачем, – ответила она. – Я одеваюсь быстро. Стриптиза все равно не увидишь.

– Не злись! – Он обошел стол и, обняв ее за плечи, повел в спальню, каким-то чутьем угадав, какая из двух комнат принадлежит ей. – Я просто посижу рядом. Я тебе не помешаю. Ну не злись на меня!

Она смирилась и указала ему на кресло, стоявшее в углу. Он расположился в нем и, попыхивая новой сигаретой, устался на разобранную постель. Катя перехватила его взгляд.

– Нет времени, – быстро сказала она. – Не сходи с ума!

– С ума я сошел давно, – ответил он, не сводя с нее глаз. – И виновата в этом ты.

– Во всем оказываюсь виновата я. – Она отвернулась и распахнула дверцы шкафа. Зеркало на внутренней стороне двери отразило лицо Димы – лицо напряженное, застывшее. «Он глядит на меня так, словно вот-вот бросится, – подумала она и повернула дверцу так, чтобы больше не видеть его лица. – Иногда он кажется мне настоящим сумасшедшим. Кто-то мне и говорил про него... А, Зина, на работе... Она считает его настоящим безумцем, но только потому, что он затеял эти дурацкие туры на Кубу. Кому они нужны? То есть туры были бы чудесные, но надо же выбрать такое место, такое время и такую программу! Никто не клюнет. Мы прогорим. Но пойдешь объясни это Диме! Он ведь у нас царь и Бог и не слушает никого. Даже меня...»

Она достала из шкафа плечики с висящим на них костюмом цвета небеленого холста. Пробежалась пальцами по вороту пиджака, проверила, надежно ли сидят мелкие шелковистые пуговицы. Костюм был в порядке, даже гладить его не стоило. Она вышла с ним из-за дверцы и обнаружила Диму совсем рядом с собой. Пиджак он уже снял, и тот валялся в кресле.

– Слушай, я не шучу! – воскликнула она, чувствуя, как у нее отнимают костюм и вешают его обратно в шкаф. – Времени совсем нет! И я не хочу...

Она не договорила – он залепил ее рот своими горячими влажными губами. Одной рукой он поддерживал ее затылок, другой живо развязывал пояс халата. Вывернув голову, она возмущенно прошептала:

– Мы так не договаривались!

– Мне надоело с тобой договариваться, – таким же шепотом ответил он и повлек ее к постели. – Мне надоело тебя упрасивать каждый раз! В конце концов, можно подумать, что у тебя есть еще кто-то!

– Пусти! – Она вырвалась, но тут же снова оказалась в его объятиях. Дышал он тяжело, и по его глазам она поняла, что сопротивляться уже бесполезно. О, она уже хорошо изучила эти глаза, которые теряли свое кажущееся безумие как раз в самые безумные моменты.

В постели они смотрели на нее совершенно трезво, ей даже начинало иной раз казаться, что он ее фотографирует взглядом.

– Катя, слушай, – прошептал он ей в ухо, и она начала слабеть. Его горячее дыхание вливалось в нее и производило странные изменения в ее теле, обессиливало ее. – Катенька, скажи мне...

Но он ничего не попросил ее сказать, просто быстро скинул с себя оставшуюся одежду и лег рядом. Почти против своей воли она обняла его. Он быстро целовал ей грудь, ощупывал и раздвигал ноги, и ей казалось, что она становится совершенно мягкой и бескостной. Потом она сама поцеловала его и закрыла глаза. Мелькнула одна мысль: муж может неожиданно вернуться. «Я не знаю, куда он отправился, может, недалеко...» – подумала она и прижалась к Диме всем телом.

– Повернись! – попросил ее Дима беззвучным шепотом. – Ну, повернись!

– Нет, давай просто... – ответила она, и он покорился. Сегодня он был еще более резок, чем обычно, и несколько раз причинил ей боль. Но она ничего ему на это не сказала, просто начинала отталкивать его, и он тут же понимал, становился тише, двигался размереннее. Потом Катя отвернула голову в сторону и несколько раз глубоко вздохнула. Дима же оторвался от нее, скорчился на краю постели и отрывисто крикнул. Потом он замер.

– Я запачкал тебе простыню, – сказал он через пять минут. – Прости.

– Не важно. – Катя села и опустила ноги на ковер. – Ты уверен, что все в порядке?

– Да, не бойся, я не сделаю тебе ребенка. – Он тоже встал, прикрываясь рукой, и босиком пошел к двери. – Я помоюсь, а ты можешь уже одеваться. Правда, надо спешить.

Катя засмеялась, когда он скрылся в коридоре. «И вот он – финал! – подумала она. – По квартире Игоря ходит мужик с голой задницей и моется в его ванной. Ведь эта квартира принадлежит Игорю. Моя тут только мебель. Ну и пусть! Тем хуже для всех нас! Так далеко я еще не заходила, теперь можно не обольщаться на свой счет. Порядочности хочешь, Катюша? А где она, твоя порядочность? Почему ты так по ней тоскуешь? Не потому ли, что давно ее утратила? Хватит обманываться!»

Она встала, натянула трусики, колготки, бюстгальтер, живо нарядилась, то и дело поглядывая на часы. «Опаздываем! – мелькнула мысль. – А мне еще разбираться с этим мужиком из Мытищ... Надо будет ему звонить домой. Возвращать деньги, больше нечего делать...» Она натянула узкие брюки, застегнула пиджак, причесалась. «Ну, если я еще и похожа на Марлен Дитрих, то на такую Марлен, которая еще не успела хорошенько обрасти... – подумала она. – Нет, Ирина все же знает свое дело. Форма хорошая, и через недельку будет шикарно... Она только чуточку перестаралась».

Дима вбежал в комнату и торопливо принялся одеваться.

– Ты знаешь, который час? – крикнул он ей. – Мы, к чертовой матери, опоздали! Мне надо ехать к непальцам, а они... – Он порылся по карманам и достал визитку. – Вот, 2-й Неопалимовский переулок, 14, дробь 7, и я должен там быть к десяти!

– Я тебе говорила! – холодно напомнила она. – Нет, тебе приспичило прямо сейчас! Что же теперь делать? Ты знаешь, куда ехать?

– Посмотрю по карте! – воскликнул он, застегивая последнюю пуговицу на пиджаке и снова обретая обычную свою беззаботность. – Не проблема! Давай, бежим! Я тебя все же закину на работу.

Катя заторопилась за ним, бросив последний взгляд на простыню, скомканную и запачканную пахучей жидкостью. «Если бы Игорь как-то интересовался мной, он бы тут же все понял, – подумала она. – Но так... Нет смысла прибираться. Нет никакого смысла что-то скрывать. Нет, в том, что Дима отколол сегодня, нет ничего особенного. Этим все и должно было кончиться».

По дороге он болтал, рассказывая про свой вчерашний вечер. Он провел его с неким господином из японского консульства. Они сидели в японском ресторане, ели японские диковинные блюда, и Диме почти удалось договориться насчет нескольких заманчивых островных туров вдоль побережья Японии.

– Главное, выбрать нормальный сезон, чтобы наших туристов не накрыло цунами! – втолковывал он Кате. – Все остальное – туфта! Это можно сделать вообще даром!

– Что ты называешь – даром? – поинтересовалась Катя. – Слушай, наши туры на Маврикий стоят на пятьсот долларов выше, чем в среднем в других фирмах! Это, по-твоему, даром?

– У других нет прогулки под водой, – возразил Дима. – Это, по-твоему, не важно?

– Есть прогулки! – Катя отвернулась и стала смотреть в окно. – Есть прогулки, я узнавала. По требованию.

– Не учи меня делать дела! – раздраженно попросил он. – Я придумал «Острова», когда никто не смотрел дальше Турции!

Турбюро «Острова» – детище Димы – занималось исключительно поездками на острова и островные государства. Дима категорически исключил из реестра путевок туры на материке, и даже полуострова вроде Италии не жаловал. «Надо держаться одной линии! – говорил он Кате. – Надо иметь свое лицо! Нас уже многие знают, так пусть знают, чего от нас ожидать. На хрена мне Америка, если есть Сейшелы!» И теперь он целиком увлекся своей идеей создать новые туры на малопосещаемые, полудикие и даже совершенно дикие, необитаемые острова. «Представь себе, что мы любого можем сделать Робинзоном! – развивал он перед Катей сказочные перспективы. – Ну? Это же фильм с приключениями! Представь себе человека, задолбанного нашей жизнью, которому уже ничто не мило, на Испанию он положил, Францию всю объездил, и даже Ямайкой его не прошибешь! Что остается предложить такому человеку? Поехать на необитаемый остров и успокаивать нервы в полном одиночестве. Впрочем, можно представить ему и Пятницу – какую-нибудь местную девушку из стоворчивых...» – «Это уже сутенерство, – возражала Катя. – Смотри, далеко забрался! Тебя живо прикроют со всеми твоими Пятницами и Робинзонами! Такие случаи уже известны, но, слава Богу, у нас пока все было в порядке». Дима немедленно соглашался с тем, что девушки – дело рискованное, но Катя подозревала, что этой затее он не оставил. И теперь он загорелся Японией.

– Жаль, что я не мог взять тебя на эту встречу! – вздохнул он, подъезжая к зданию, где располагалась их фирма. Это был обычный жилой дом. Фирма занимала две квартиры на первом этаже. Из этих квартир была сделана одна большая, где помещался кабинет Димы, две комнатки для работы с посетителями и бухгалтерия. Над подъездом красовался яркий новомодный навес, над которым всякий мог прочесть заманчивое слово «Острова», выведенное светящейся краской. Дима припарковал свой серый «Вольво» у подъезда, и они с Катей направились к дверям. Здесь они столкнулись с Зиной – она, так же как и Катя, работала с посе-

тителями, оформляла туры и являлась, по словам Димы, любовницей «очень-очень нужного человека», который когда-то помог Диме устроить фирму.

Зина была эффектной жгучей брюнеткой с ярко-голубыми глазами. Она отличалась весьма своеобразным вкусом – в любое время года стремилась иметь на себе минимум одежды, а летом одевалась так, словно уже возлежала где-то на диком пляже. Посетители иной раз не знали, куда деть глаза, когда перед ними возникали пышные формы, обтянутые чуть ли не купальником. Зину ничуть это не смущало. «Острова так острова! – говорила она, когда кто-то пытался сделать ей замечание. – Мне жарко, хожу, как хочу. Пусть народ привыкает, что у нас сплошная экзотика!» Сегодня день выдался жаркий, совсем летний, и Зина разделась до предела – ее грудь обтягивал фосфорически зеленый топик, на бедрах имелись шорты такого же дикого цвета, на босу ногу были надеты сандалии из множества переплетенных кожаных ремешков всех цветов радуги. Катя ей улыбнулась. Зина швырнула в урну докуренную сигарету.

– Тебе уже обзвонились, – сказала она Диме. – Мы работаем с девяти часов, или ты забыл? Я занимаюсь не своим делом, когда сижу у тебя на телефоне и всем говорю, что тебя еще нет.

– А своим делом ты занимаешься? – осведомился Дима. – Что, уже народ пришел?

– Пока нет, но ждем-с. – Зина двинулась в подъезд. – Вот, тебе опять звонят!

Дима кинулся на звонок, раздававшийся из его незапертого кабинета, переговорил там и опрометью кинулся вон.

На прощанье он успел крикнуть Кате: «Пообедаем вместе!» – и исчез за дверью.

Зина шумно вздохнула.

– Сумасшедший тип, – сказала она, глядя на Катю. – Как ты с ним общаешься? В глазах не рябит?

– Нормально общаюсь, пока здорова, – ответила Катя и прошла в свою комнатку.

Обстановка здесь была довольно скромная: белые стены, рабочий стол, парочка стульев для посетителей, сейф в углу, стеллажи с проспектами и ксерокс, занимающий почти четверть комнаты. На столе лежала папка с бумагами. Она, не присаживаясь, открыла ее, пролистав ксерокопии загранпаспортов, нашла нужную, полезла в другую папку, где у нее хранились адреса участников тура на Фиджи, и тяжело вздохнула. У мужчины, которому следовало вернуть деньги за путевку, не оказалось домашнего телефона.

– Вот так номер! – пробормотала она себе под нос. – А мужик приедет прямо в аэропорт в полной уверенности, что сейчас отправится на Фиджи! Документы надо заслать сегодня, группа едет через три дня... Это что же значит – скандал?

– Скандал? – Рядом откуда-то появилась Зина. Она присела на край стола, и стол вздрогнул. – Почему скандал?

– Да у мужика паспорт не в порядке, я не заметила, взяла у него деньги, а теперь не могу его найти! – пожаловалась Катя. – Его надо хотя бы предупредить.

– Мужик-то московский?

– Из Мытищ. Видишь, нет телефона.

– Так съезди! – предложила Зина. – Ближний свет! Попроси Диму, он тебя отвезет.

– Обойдусь. – Катя снова углубилась в бумаги. – Нет, стоп, какой-то телефон есть... А, это его соседей.

– Так позвони им, пусть они его предупредят. – Зина встала со стола и отправилась к себе.

– Не морочь себе голову. Ты слишком уж возишься с каждым клиентом, так работать нельзя!

«А так, как ты, можно! – проводила ее взглядом Катя. – Ты ведь посетителям просто хамишь и вместо сервиса предоставляешь им любоваться своими обвисшими сиськами. Надо звонить, однако».

Она набрала номер, сверяясь с листком бумаги, и прислушалась. Услышав женский голос, отозвавшийся в трубке, она торопливо сказала:

– Здравствуйте, я сотрудник турфирмы и беспокою вас по поводу вашего соседа, Петракова Сергея. Видите ли, он дал нам ваш телефон, чтобы мы, в случае чего, могли его известить. Можно позвать его самого?

В трубке некоторое время помолчали, потом женщина неуверенно отозвалась:

– Это ты, что ли?

– Я – сотрудник турфирмы, – начала по второму кругу Катя.

Но голос перебил:

– Да я и так знаю, что ты сотрудник фирмы! Катюшка, брось придуриваться! Я тебя узнала!

Теперь узнала голос и Катя. Только тут она поняла, почему номер, который дал Петраков, показался ей чем-то знакомым. Она говорила с Анжеликой, своей школьной подругой, которая тоже жила в Мытищах. Катя так и ахнула:

– Слушай, Лика, это просто нарочно не придумаешь! Ведь я не знала, что звоню тебе, я твой номер наизусть не помню! Он правда дал нам твой номер, ну надо же! Вы что, соседи?

– Привет... – протянула Лика. – Ты же его один раз видела! Он Тимкин друг! Ну, помнишь, сидел у нас на кухне, пиво пил с Тимуром?

– Слушай, только теперь вспомнила... – протянула Катя.

Она действительно вспомнила, что уже видела однажды Петракова. Это был мрачноватый полный парень, и он на самом деле сидел на кухне с мужем Лики, когда она приехала в гости к подруге.

– Послушай, но у нас с ним и в самом деле проблема. Ты можешь его позвать? Потом поговорим.

Лика исчезла куда-то и отсутствовала минут пять. Потом вернулась и сообщила:

– Как на грех, дома нет. Но он скоро придет, он всегда к двенадцати приходит на обед. Работает недалеко. Знаешь, цех рядом с моей мастерской? Они там заколки делают.

Анжелика работала в меховой мастерской, шила норковые шапки-обманки и зарабатывала «тяжелым физическим трудом» очень даже неплохо. Ее муж – Тимур – был коммерсантом, но что и откуда он возил, Катя не знала. Во всяком случае, услугами их турфирмы он ни разу не пользовался.

– А ты что не на работе? – поинтересовалась Катя.

– А я сегодня с трех до восьми, – сообщила Лика. – Слушай, не будь свиньей, приезжай! Тебе ведь все равно надо с ним увидеться, так ведь?

– Но теперь он может просто нам позвонить, ты ведь ему передашь? – засомневалась Катя. Поездка в Мытищи ее не особенно впечатляла. На машину Димы она не рассчитывала, а добираться электричкой с Ярославского вокзала ей не хотелось. Но Лика была настойчива.

– Слушай, я тебя три месяца не видела! – говорила она.

Катя представила себе, какие глаза при этом сделала ее подруга. Глаза были прозрачные, еле-еле голубые, обведенные в любое время суток густой черной подводкой. Лика почему-то красилась как на панель.

– Ты что, совсем зазналась? В нашу деревню ни ногой?

– Да что ты! – возразила Катя, уже понимая, что поездки к Лике не избежать. Та отличалась бульдожьей хваткой. – Но у меня совсем нет времени... По крайней мере, сегодня. Ты бы меня так выручила, если бы сама поговорила с этим соседом.

– А вот не выручу, – мстительно сказала Лика. – Я тебя знаю, ты иначе не приедешь, если не по делу. Давай приезжай! Все-то езды полчаса от Ярославского! Ну, давай! Прямо сейчас!

– Ладно, – сдалась Катя. Она вспомнила, что деньги все равно придется возвращать самой. Лике об этом не попросишь. «Разделаюсь одним махом и с Ликой, и с Петраковым, – подумала она. – Один черт! Провольню полдня, работа из-за этого не станет». – Я еду. Буду к двенадцати.

– Класс! – обрадовалась Лика. – Выпьем винишка, у меня есть! А то что это, в самом деле! У меня через неделю отпуск, мы с Тимкой поедem в Эмираты. Наконец-то он согласился меня взять. Когда еще увидимся! Ну, целую, и давай быстрее!

Катя положила трубку и вздохнула с облегчением. Она начинала понимать, что на самом деле ей хотелось увидеться с какой-нибудь старой подругой, выговориться, пожаловаться на то, на что ни одному мужчине не станешь жаловаться. «А то с кем я общаюсь? – сказала она себе. – С Игорем? С Димой? С дурой Зинкой или с Ирой, которую вижу раз в месяц, когда стригусь? А Лика немножечко базарная, спору нет, но все же человек теплый... Будет о чем поболтать».

Однако сразу уйти с работы ей не удалось, сначала пришлось принять двух клиентов – мужа и жену, которые прочитали в газете объявление их фирмы. Супруги желали быть отправленными на Ямайку, ни больше ни меньше. Они проявили большую любознательность, и Катя долго, почти сорок минут, расписывала им климат, природные красоты, первоклассный сервис (пять звездочек, суперкласс), полный пансион без ограничения спиртных напитков, ежедневное шоу, водный спорт, обучение подводному плаванию, присутствие на местных свадьбах и главное – доступную цену путевки.

– От двух тысяч долларов, – уже устало говорила она, продолжая ослепительно улыбаться задумчивым супругам. – Все входит в стоимость, вам ни за что не придется доплачивать. Авиакомпания «Эр-Франс».

– Ну что? – спросил супруг у своей тучной половины.

Половина пренебрежительно пожала плечами – «мы, мол, и не такое видали», но согласилась, едва разжав ярко намазанные губы. Катя бросилась оформлять документы, сняла ксерокопию с загранпаспортов, приняла деньги за две путевки, поулыбалась еще минут пять и отпустила супругов, предупредив, что в случае каких-то затруднений с визами позвонит им домой. Когда парочка ушла, было почти одиннадцать. Катя заперла сейф, бумаги в столе, привела в порядок стеллажи и покинула свою комнату, предупредив Зину, что едет к тому самому незадачливому клиенту в Мытищи.

– Ладно! – кивнула Зина, энергично что-то прожевывая. – А Димка приедет, что ему сказать?

– Ничего, – отрезала Катя. – Это моя работа, я ей и занимаюсь. Пусть занимается своей.

– Вы что, поссорились? – Зина мгновенно проглотила то, что было у нее во рту, и ожилилась: – Ну да, с ним трудно ужиться.

– Все нормально, но ему вовсе не обязательно докладывать, куда я пошла и что я делаю в этот миг. – Катя набросила на плечо ремешок сумки. – И ты вовсе не обязана это делать.

– Он будет ревновать, – ответила та, ничуть не обидевшись. – Что я, Димку не знаю?! Он начнет меня трясти – куда ты поехала. Что, не говорить про Мытищи?

– Да ну его! – Катя махнула рукой и покинула комнатку Зины.

Анжелика жила в большом высотном доме недалеко от станции железной дороги. Катя добралась к ней в общей сложности за час, так что умудрилась быть точной. Позвонив на первом этаже в большую, под дуб оклеенную железную дверь, она даже отшатнулась – дверь распахнулась мгновенно, словно Лика ждала ее прихода в коридоре.

– Ну наконец-то! – встретила ее подруга радостным воплем. – Давай заваливай! О, класс, какая прическа! Мне тоже надо подстричься, а то я как лахудра... Да не снимай туфли, иди так, у нас полный бардак... Тимка все не управится с ремонтом.

Квартира Салаховых (девичья фамилия Анжелики была Вальковская) представляла собой страшное зрелище. Двери всех трех комнат были сняты и громоздились в коридоре. Стена на кухне была ободрана до самой штукатурки. Кроме того, на развороченном паркетном полу валялись куски старых обоев и засохшие ошметки цемента и шпатлевки. Лика провела гостью в маленькую, свежевыкрашенную комнатку и гордо прокомментировала весь этот развал:

– Делаем евроремонт!

– Как, сами?! – поразилась Катя, раздумывая, куда бы ей присесть, чтобы не пострадал светлый костюм. – Но это же адова работа!

– А! – Лика махнула рукой и тут же выхватила откуда-то два хрустальных фужера и бутылку венгерского вина.

Фужеры оказались не слишком чистыми, а вино теплым, но Катя, чтобы не обижать хозяйку, все же пригубила из своего бокала.

Лика выпила вино залпом и продолжала делиться новостями:

– У Тимки же золотые руки. Он все сделает сам. Вот только что-то затянулось это... Негде спать, ты не поверишь. Он обещал, что сделает весь ремонт до моего отпуска, а это тянется два месяца... Ну, он всегда такой – наобещает с три короба, а потом мучается. Вон стену на кухне расколупал, сказал – она прогнила. А-она сухая. Теперь обратно будет заколупывать. Балкон пробил...

Катя не поняла, и Анжелика потащила ее смотреть балкон. Действительно, большая застекленная лоджия оказалась почти совсем без пола – в бетонной плите зияла огромная дыра.

– Он хочет погреб сделать, очень выгодно! – пояснила Лика. – Наш сосед, ну тот самый, кто тебе нужен, уже сделал. Теперь он там хранит всякие заготовки, варенье, огурцы. Очень выгодно, верно, но для этого же голова нужна! Я Тимке говорила – сначала сделай весь ремонт, а потом пол пробивай. А он – нет, я погреб сделаю за два дня. Ну и вот... На балкон не выйдешь.

– Страшно иметь балкон на первом этаже... – вздохнула Катя. – Я бы спать не смогла. Вдруг залезут?

– А решетки-то? – Лика потрясла рукой мощную железную решетку. Точно такие же красовались на всех окнах квартиры. – Будь спокойна, у нас как в банке. Никто не пролезет. Ну ладно! Пойдем, расскажешь, как жизнь.

– Да как... – Катя помялась, снова расположившись в кресле, с которого Лика отогнула полиэтиленовую пленку. Пленка вся была в известковых брызгах. – Как всегда в общем-то.

– А замуж не собралась? – ошарашила ее Лика.

– Ты что, подруга, я ведь замужем... – Катя потрясенно смотрела на нее.

Но Лика ничуть не смутилась.

– Знаем, знаем... – Она погрозила пальцем. Руки у нее были грубоватые, ногти очень короткие, никакой маникюр не выдерживал ее работы с мехом. Зато раскрашена она была на диво: густая обводка вокруг глаз, накладные ресницы неестественной прямизны и длины, густо-голубые тени, румяна фиолетового оттенка и ее любимая, багрово-лиловая помада. Рыжие волосы необычного отлива (свои, а не крашенные) были разбросаны по худеньким плечам, едва прикрытым несвежей розовой маечкой. Грудь торчала под тканью прямо вверх, как у девчонки. Острые соски резко выделялись, так и бросаясь в глаза. Черная юбка-стрейч подчеркивала полное отсутствие того, что в просторечии называют задом. И, как всегда, Лика была весела, как птица небесная. Катя даже позавидовала ей.

– И все же, – настойчиво повторила она. – Почему ты решила, что я должна выйти замуж?

– Ну, это не я решила, – загадочно ответила Лика. – Все говорят.

– Кто это – все?! Кто говорит?!

– А, да ладно. Никто не говорит! – Лика рассмеялась. – Не принимай меня всерьез. Я просто подумала: раз у тебя с Игорьком совсем хреновая жизнь, почему бы тебе не развестись и не выйти замуж?

Для Лики этот вопрос в свое время решился просто: она развелась со своим первым мужем, тоже коммерсантом, как только его счастье стало ему изменять, забрала двухгодовалого сына и ушла к Тимуру, своему старому приятелю. Через полгода они поженились, и в качестве мадам Салаховой Лика была совершенно счастлива.

– За кого это мне выходить?... – проворчала Катя, но по глазам Лики поняла, что та прекрасно знает за кого. «Ну, девки, всегда все знают, – подумала она. – Никаких тайн быть не может! Это, конечно, все Ирка разболтала! Она знала! Знала еще и Лена, но Лена вряд ли, они вроде не общаются с Ликой. Чему я удивляюсь? Ни в школе, ни потом мы ничего друг от друга не скрывали. Разве что в последнее время стали меньше общаться... И чего я стесняюсь?» И она выложила все начистоту: – Ну ладно, ты права. Надо уже думать о другом браке. Ну, не о браке, так просто о другом мужике. Так дальше жить нельзя.

– У него что, совсем не стоит?! – округлив глаза, прошептала Лика.

– Это тебе тоже Ирка сказала? – в упор спросила Катя.

Лика несколько смутилась:

– Да нет, не она... Да ну тебя, что ты меня на каждом слове ловишь! Знаю, все уже знаю! И про тебя, и про Димку! Нет, ты смотри, добился все-таки своего! Как он за тобой в школе бегал! С ума сойти! Такая любовь! А Ирка до сих пор локти грызет, она ведь все хотела его захомутать, не вышло. Да хрен у нее что выйдет, не умеет она с мужиками. Мужики – это ведь кто? – подняла брови Лика и тут же ответила себе: – Скоты! С ними и надо по-скотски!

– Скажешь тоже! – покачала головой Катя. – Так уж все скоты!

– Ну скажи мне, кто не свинья?! – вспыхнула Лика. – У меня – сплошные свиньи! Первый мой – гадина, каких мало, до сих пор никаких алиментов не вижу, а Борька все растет! Одних ботиночек ему в год три пары надо менять!

– Сколько ему? – машинально задумалась Катя. – Года четыре?

– Поднимай выше, уже шестой! – Лика захлебывалась от волнения. – А Тимка? Тоже скотина порядочная, уже завел себе бабу на стороне!

– Да что ты!

– А ты как думала! – На глазах у Лики вдруг появились слезы. – Мне, думаешь, легко?! Я боюсь, что она ему родит ребенка, и тогда он от меня уйдет... Он все переживает, что Борька не его сын.

– Так роди ему сама, – предложила Катя. – Опереди ту, другую!

– Я не могу больше рожать. – Тут Лика заплакала по-настоящему. – Была у врача, сделали обследование. Заросли у меня эти... фаллопиевы трубы... Ничего нельзя сделать, резать только... И то, наверное, не поможет. А если со мной что под ножом случится? Борьку я на кого кину?! Тимуру он совсем не нужен...

Катя обняла подругу за плечи и задумалась о своем. Ребенок когда-то был ее мечтой, но сперва ей было страшно рожать в смутное время и при низкой зарплате – своей и мужа, потом это сделалось физически невозможно – из-за Игоря... Рожать же от Димы она вовсе не собиралась. «Да, мой собственный ребенок еще где-то в голубой дали... – вздохнула она про себя. – А надо торопиться. Тридцать, потом тридцать шесть, возраст почти критический, потом все, все...»

Лика тем временем просохла и заговорила поспокойнее:

– Ну и скажи, что мне делать?! Я эту тварь, с которой он гуляет, видела, ей всего восемнадцать, она же девчонка совсем! Ему нравятся помоложе.

– Лика, да ведь и ты совсем как девчонка выглядишь! – возразила Катя. – И лицо, и фигура. Может, только макияж тебя старит немного...

– Глупости, макияж никого не старит! – изрекла Лика свое личное мнение.

– Нет, я просто говорю, может, тебе стоит пользоваться помадой пастельных тонов? – предложила Катя. – Например, розовой?

– Дело не в помаде... Надоела я ему... – Лика вздохнула и посмотрела на часы. – Наверное, Серега уже пришел на обед. Ты зайди к нему, если дело есть. А я пока соображу чашечку кофе.

Катя прихватила сумку с документами и вышла из квартиры. Петраков оказался дома – и через минуту она уже объясняла ему, по какой причине он не может отправиться в желанную поездку на Фиджи. Петраков понял и очень расстроился.

– А что мне делать? – спрашивал он в который раз, тупо глядя в свой паспорт. – Почему такая волянка?

– Теперь другая форма паспортов, – объясняла Катя. – Ничего страшного, вам придется переоформить паспорт в вашем УВИРе. Но в этот раз вам не удастся поехать. Очень жаль, конечно. – Катя протянула ему деньги. – Это за вашу путевку. Десять процентов мы удержали за организационные расходы.

– Что?! – возмутился тот. – Мне отказали в путевке да еще удержали какие-то проценты?! Почему это?! Я ведь никуда не поехал! Пусть вернут всю сумму!

– Но это обычная практика. – Катя стояла на своем твердо, хотя знала, что по большому счету она не права: ведь в том, что поездка сорвалась, была виновата турфирма, а конкретно – она, Катя. Если бы она вовремя обратила внимание на паспорт, все бы обошлось.

И тем не менее она вела себя согласно неписаному кодексу своих собратьев по бизнесу: не обманешь – не проживешь. И ее уверенное поведение дало свои плоды – Петраков сдался.

– Ладно, – проворчал он, пересчитывая доллары и засовывая их в карман яркого спортивного костюма. – Значит, не судьба. А хотелось именно на Фиджи.

– Я понимаю, – грустно ответила Катя. – Когда выправите паспорт, обращайтесь к нам, мы вас отправим куда захотите, хоть на необитаемый остров.

– Ну разве только с такой красивой девушкой, как вы, – неожиданно галантно отозвался Петраков, и они расстались друзьями.

Катя вернулась в квартиру подруги и застала там следующую картину: Тимур, застывший посреди той комнаты, где они беседовали, и Лика с совершенно опухшим от слез лицом. «Я нехстати, – поняла Катя и сделала вид, что не заметила ничего необычного в этой сцене. – Надо сматываться, а то я стану участницей скандала. Лика любит разбираться при свидетелях».

Но на этот раз ничего подобного не случилось. Лика попрощалась с Катей, махнула ей рукой и отвернулась. Тимур мрачно поздоровался и тут же пошел провожать Катю до дверей. Оказавшись на улице, та с облегчением вдохнула свежий весенний воздух – в квартире Салаховых сильно пахло краской. «Да, что-то не ладится у всех нас с личной жизнью... – думала она, направляясь к станции. – Кажется, вдали идет электричка. Успею! Не ладится... – Она прибавила шагу, и мысли ее запрыгали, точь-в-точь как она сама по разбитой дороге. – У Ирки сын неизвестно от кого, у Лики известно от кого, да вот мужа, кажется, и второго потеряет... У меня вообще – ни сына, ни мужа... Разве это муж? С точностью можно сказать только то, что у меня есть любовник! А вот у Лены все не так грустно. И муж хороший, и дочка – прелесть. Три годика. Надо ей позвонить, я всех перезабыла. А вот с Леной будет о чем поговорить! Как-никак почти коллеги, тоже журфак МГУ, тоже женская газета... Она все еще работает в редакции. Как она выкручивается с деньгами? Но у нее неплохо получает муж. Надо позвонить ей!»

С этими мыслями она села в подъехавшую электричку, и скоро перед ней возникло здание Ярославского вокзала, шумная площадь и бледное майское небо над Москвой.

Хорошая погода продержалась до вечера. Часам к восьми небо стало затягивать тучами. Гроза шла с востока, и где-то далеко уже погромыхивало. Поднимался ветер, теплый, но сильный, порывистый. Над Мытищами небо уже потемнело, но над Москвой было еще светло.

Анжелика вышла на крыльцо своей мастерской и захлопнула за собой тяжелую, обитую жестью дверь. Во дворике было пусто. Корпус, где располагался маленький заводик, производящий заколки, уже утих, рабочие из него ушли. Меховщицы тоже разошлись по домам, Анжелика осталась последней. Сегодня все женщины долго ее утешали, давали жизненные советы, делились личным опытом. Все они были в курсе ее семейных дел. Одна даже протянула сигарету некурящей Лике – «полегче станет». Эту сигарету Лика сейчас держала в руке,

не зная, что с ней делать. Лицо у нее опухло еще больше – она плакала несколько часов не переставая. Ей точно было известно, что Тимур опять встречался «с этой» и теперь он опять у нее... Если бы это был отец ее ребенка, она могла бы пригрозить ему тем, что он больше никогда не увидит сына. Но в ее положении грозить ей было нечем – ей было известно, как мало ему нужен чужой мальчишка. Лика даже старалась, чтобы ребенок пореже попадался ему на глаза. Борька уже с месяц жил у ее матери, тут же, в Мытищах, неподалеку от ее дома, и она каждый день туда забегала, чтобы расцеловать его и поплакаться маме. Но сейчас у нее не было сил туда идти. Она постояла еще немного на крыльце, посмотрела на небо, в отчаянии сказала: «А, все равно!» – и двинулась почему-то не к воротам, а в глубь двора, к дверям того цеха, где делали заколки.

Там она пробыла полчаса. Когда вышла оттуда и побрела к воротам, начал накрапывать дождь. Лика посмотрела на небо и запахнулась в свой ядовито-зеленый плащ. Она побрела по длинной улице, окруженной красными кирпичными корпусами, в сторону железной дороги – к своему дому. Чтобы попасть туда, ей надо было пересечь железнодорожные пути, но прежде миновать этот заводской, нежилой район. Улица была совершенно пустынна. Лика медленно шла и на ходу нерешительно затягивалась сигаретой. Курила она во второй или в третий раз в жизни. Легче не становилось, и сигарету она бросила.

Дождь пошел сильнее, и громыхнуло совсем где-то рядом. Лика прибавила шагу. Впереди, вдоль глухой желтой стены какого-то предприятия, шелестели едва зазеленевшие тополя. Когда Лика поравнялась с ними и прошла чуть дальше, от крайнего дерева отделился мужчина и пошел следом за ней. Лика его не замечала, она целиком ушла в свои мысли. Главной мыслью было, как разобраться с Тимуром. Она настолько была ею занята, что слышала шаги за спиной только тогда, когда мужчина пошел быстро, не скрываясь, с каждым шагом догоняя ее. Тогда она обернулась и увидела его лицо.

А еще через несколько минут картина совершенно изменилась. Дождь пошел сплошной стеной, тополя заметались на ветру как бешеные, а на асфальте, неподалеку от них, распростерлась одинокая женская фигурка в зеленом плаще. Лицо женщины было совершенно закрыто намокшими, сбившимися рыжими волосами, виден был только один безумный, широко раскрытый голубой глаз, на который то и дело попадали тяжелые капли. Вода размывала подводку, уже до этого размытую слезами, и тонкая черная струйка бежала по виску женщины и падала на землю. Бессильно раскинутые руки как будто пытались кого-то обнять. Черная юбка-стрейч была закатана до талии, колготки сорваны, и трусиков на бедрах не было. Одна нога повыше колена была сильно расцарапана, другая – далеко отведена в сторону. Дождь размочил землю под тополями, и на белые бедра женщины то и дело летели брызги, оставляя на коже грязь, песчинки, прошлогоднюю траву.

Глава 3

Катя протянула руку, нажала кнопку, и экран компьютера погас. Затем она выключила процессор и выдернула все шнуры из розеток. Все это она предельвала не торопясь, всегда очень педантично, зная, что с техникой у нее постоянные нелады: немного забудется – и напорет что-нибудь не то. «В конце концов, я журналист, – подумала она, глядя на темный экран и слушая, как в процессоре что-то потрескивает. Возможно, отходила какая-то панель, кто здесь в этом разбирается? – Я журналист, а занимаюсь черт-те чем! Втолковываю разным капризным дамочкам, чего именно они хотят, – это я должна знать лучше их самих. Улыбаюсь мужикам, самым наглым, чтобы они согласились взять путевку. Раньше-то было все наоборот, раньше улыбались, чтобы дали путевку, взятки давали, помню, как же!»

И Катя действительно вспомнила свою единственную поездку на море вместе с родителями. Ей было девять лет, шел семьдесят седьмой год. Год великой пустоты на прилавках, как говаривала ее мама. Путевку достали, выбили, выгрызли зубами в профкоме той газеты, где работали ее родители: мать – редактором, отец – штатным журналистом. Кате сшили белое ситцевое платье в голубой горох – здесь кончались и фантазия отечественных производителей текстиля, и материальные возможности ее родителей. Она запомнила себя на пляже в этом платье. Галечный пляж, холодная вода в море, сильное жжение в обгоревшей спине (слишком белая кожа, говорили все, никогда не загорит). Помнила, что скучала, потому что сверстники приехали раньше и уже сбились в одну тесную компанию, а Катя стеснялась к ним подойти, познакомиться. «Ты ведь будущая журналистка! – упрекал ее отец. Он всегда говорил с ней так, что нельзя было понять, всерьез он ее укоряет или просто шутит. – Тебе придется работать с людьми! К каждому надо искать подход, к каждому уметь подойти с нужным словом, чтобы тебя приняли, выслушали. Ну, начни сейчас же. Подойди к ним!» Но Катя не подошла. На одном из мальчишек, явно возглавлявшем ту компанию, была красивая, явно из-за бугра привезенная маечка с английской надписью. На девчонке, которая всегда отиралась возле него, – легкий пляжный комбинезончик, тоже явно «оттуда». Девчонка была некрасивая, с красноватой кожей и белыми ресницами, и спина у нее обгорела еще хуже, чем у Кати. Некрасивая и все же самоуверенная, громкоголосая, наглая. Катя иногда ловила на себе ее презрительный взгляд. Ловила и говорила себе: «Это из-за моей одежды. Это из-за того, что ни отец, ни мать никогда не стоят в очередях, когда что-то „выбрасывают“ в ГУМе, берут, что есть, что попадется». Мать ненавидит толкаться, стоять часами, драться за последнюю пару туфель, за последние три метра импортной ткани. Отец просто не ходит по магазинам – ему вечно некогда. «Надо быть гордой! – говорит ей мать. – Не тянись за другими, помни, что все равно не угонишься. Всегда найдется кто-то, кто будет одет лучше, чем ты. Будь сама собой, будь гордой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.